

35 до 50 лет (65%), люди со средним и средним специальным образованием (61% и 59% соответственно), а также преимущественно городское население (более 50%).

Усиление недоверия к законодательной власти наблюдалось в период экономического кризиса 1998 г.¹ Тогда недоверие к Государственной думе выражало более половины (65%) населения, тогда как о доверии к данному институту заявляли лишь только 10% общества.

Напротив, нулевые годы характеризуются подъемом и улучшением отношения населения к законодательной власти, за исключением, пожалуй, периода 2000–2004 гг., когда наблюдалось некоторое усиление критики Федерального Собрания, связанной преимущественно с проводившимися реформами.

Подводя итоги и характеризуя отраже-

¹ Результаты выборов предreshены? – Информационно-аналитический портал AZERROS. Доступ: <http://azerros.ru/maintheme/506-rezultaty-vyborov-predresheny.html> (проверено 24.03.2014).

ние института законодательной власти в массовом политическом сознании российского общества, отметим стабильно низкий уровень доверия к Федеральному Собранию. Причем главная претензия к законодательной власти – низкий уровень эффективности и отсутствие позитивных результатов деятельности российского парламента [Российское сознание... 1997: 115]. Примечательно, что именно Государственная дума, тот институт, который по самой своей природе и по своему предназначению должен, что называется, стоять на страже общества, выражать, представлять и защищать интересы людей, пользуется меньшей поддержкой, чем иные властные органы.

Однако отказываться от существования Государственной думы население страны все же не готово. И по мере развития в Российской Федерации демократических институтов будет меняться и состояние массового политического сознания по отношению к ним.

Литература

Ореховская Н.А. 2011. *Эволюция массового сознания россиян*: автореф. дис. ... д.соц.н. Ростов н/Д, 40 с.

Баранов Н.А. 2009. *Политические отношения и политический процесс в современной России*: учебное пособие. СПб.: Питер, 395 с.

Российское сознание: психология, культура, политика. Материалы II Международной конференции по исторической психологии российского сознания «Провинциальная ментальность России в прошлом и будущем. 4–6 июля 1997 г., Самара. 1997. Самара: Изд-во СамГУ, 437 с.

БОЙКО Надежда Анатольевна –

аспирант Московского гуманитарного университета.

111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, 5/1.

historymosgy@mail.ru

С.П. КОЛОШИН: МЕЖДУ СЛАВЯНОФИЛАМИ И ЗАПАДНИКАМИ

S.P. KOLOSHIN: BETWEEN SLAVOPHILES AND WESTERNIZERS

В данной статье представлена оценка творческой деятельности и воззрений С.П. Колошина, известного в середине XIX в. российского публициста и писателя, сегодня, к сожалению, почти позабытого. Обосновывается неправомерность причисления его к славянофилам, как это представлено во многих изданиях. В результате анализа его творческой деятельности автор приходит к выводу, что Колошин имел собственные взгляды на русскую действительность, которые нельзя позиционировать ни как славяно-

фильство, ни как западничество. Он утверждал, что «кабинетные» представители обоих общественных направлений со своими абстрактными теориями не могли в должной мере содействовать просвещению русского народа.

Ключевые слова: творческая деятельность, славянофилы, западники, Россия, история, народ, публицист

This article presents an assessment of creative activities and beliefs of S.P. Koloshin, well known in the middle of the 19th century as a Russian publicist and writer and almost forgotten nowadays. The illegality of ranking Koloshin as a Slavophile, as it is represented in many publications, is substantiated. As a result of the analysis of Koloshin's activity the author concluded that he had his own views on the Russian reality which cannot be positioned neither as Slavophile's nor as Westernizers' one. He claimed that armchair representatives of both public trends with their abstract theories could not adequately promote education of the Russian people.

Keywords: creative activity, Slavophiles, Westernizers, Russia, history, Russian people, publicist

Смена парадигм в исторической науке связана с необходимостью качественного обновления научного знания. Историческая репрезентация новых тем и проблематики значительно расширяет представления о жизни народов в разные исторические эпохи [Васильев 2012]. В этой связи представляет интерес изучение интеллектуальной деятельности российских писателей и публицистов (своего рода «совести нации», «властителей умов»), которая нашла отражение в их творческом наследии (литературном и публицистическом), в восприятии и оценках национального своеобразия и идентичности России [Туманов 2010: 5, 25].

Одна из таких персон — Сергей Павлович Колошин (1822–1868), писатель, публицист, фельетонист. Различные издания причисляют его к славянофилам, однако это ошибочное или, точнее говоря, очень ограниченное представление о направлении его творческой деятельности [Каплин 2008: 345–347]. Повод считать Колошина писателем славянофильского толка дало появление его рассказов в журнале М.П. Погодина «Москвитянин». Славянофилы тогда еще не имели своего печатного органа, а «Москвитянин» по своей направленности более всего подходил для выражения их взглядов. Однако в 1850 г. вокруг этого журнала оформился коллектив авторов, которых Погодин назвал «молодой редакцией», куда входил и С.П. Колошин. Он был приглашен Погодиным в то время, когда журнал терял свою популярность среди подписчиков, нужны были молодые таланты. Вот этот талант он и нашел в Колошине, который тогда только начинал писать свои рассказы и статьи.

«Молодая редакция» со своими новыми, свежими идеями изменила направление журнала. С приходом именно «молодой редакции» журнал перестали считать славянофильским¹.

С.П. Колошин примыкал к группе литераторов, которая, вопреки славянофилам, не признавала православие главнейшим фактором русской жизни и русской души. Славянофилы не любили критиковать непросвещенность, необразованность русского народа. Именно эти недостатки часто высмеивал Колошин в своих рассказах. Славянофилы восхваляли сельскую общину, считая ее неотъемлемой частью жизни русского народа, Колошин же выступал против нее. Работа в «Москвитянин» значительно повлияла на его судьбу, карьеру, но не на взгляды. Его взгляды имели сходство со славянофильством, но славянофилом он себя никогда не считал.

Несомненно, Колошин очень переживал за судьбу русского народа. Он вырос в дворянской семье, но, как русский человек, не мог быть равнодушным к проблемам простого народа. Чтобы описать свою эпоху, духовную и повседневную жизнь общества своего времени, надо знать особенности условий жизни русского народа. Но для этого, считал Колошин, надо вникнуть в жизнь этого народа, не сидеть в своих кабинетах и не философствовать, а выходить на улицу, общаться с народом, разговаривать с «ваньками» (так он называл кучеров, официантов в ресторанах и других обслуживающих работников). Только увидев все своими собственными глазами, можно понять, узнать проблемы

¹ *Вестник Европы*. 1886. № 2. С. 598.

общества. Он предлагал писателям, считавшим себя знатоками русской жизни: «Выйдите из ваших храмов-кабинетов и покажите мне русскую идиллию, дайте мне полюбоваться на ваших добрых людей: мне все попадаются неучи, грубияны, плуты»¹.

По утверждению Колошина, именно славянофилы меньше всего знали русский народ. Он часто высмеивал их попытки приблизиться к народу, понять его и решить его проблемы все в том же «кабинетном» духе. Их попытки одеться как простолюдины, выйти «в люди», обратиться к ним на Вы и вести себя как врач с больным вызывали у Колошина скорее смех, чем сочувствие. Он считал, что русский простолудин не признавал обращения на Вы, не принимал снисходительного отношения. Похож ли живой русский мужик на то, как его изображают ученые, постигшие все системы философии? — задавался он вопросом. И однозначно отвечал: нет. Следует обратить внимание на выводы Колошина: «Чутье народного духа, как и всякое чутье, есть дар природный. Этого чутья не приобретет ничем тот, у кого его нет, как никакое изучение никогда не сделает художником того, кто рожден безталантливым. Но философы и сиденье с ними взаперти не дадут о народе и наведений, на что-нибудь похожих. И не дай Бог, чтобы народ слушал философов: иначе насидится он и сам “без огурцов”, как известный философ у Крылова»².

Тем не менее Колошин не игнорировал полностью деятельность славянофилов. Скорее всего, указывая на недостатки, он надеялся, что их влияние в обществе будет более плодотворным при личном, непредвзятом, живом общении с народом. Он дружил со славянофилом И.С. Аксаковым, приветствовал выход его новой газеты «День», но советовал писать понятней, чтобы приблизить свои идеи к большому кругу людей. Колошин рекомендовал «Дню» не выступать страстным защитником народа по любому поводу, а стараться быть более объективным к межсословным проблемам, не использовать пошлые, лицемерные сочувствия народу в своих корыстных целях.

Только так можно было завоевать доверие и уважение народа³. Несмотря на осуждение философии славянофилов, колошинские публицистические статьи пронизаны огромной любовью к России: он верил, что Россия когда-нибудь расправит крылья и страхнет с себя все азиатские черты невежества, глупости и «добровольного раболепства».

Как человек высокообразованный, Колошин знал несколько иностранных языков, свободно читал иностранные газеты. Он хорошо знал европейскую жизнь, поэтому постоянно сравнивал ее с родной русской жизнью. Колошин смеялся над недостатками как русской, так и европейской жизни. Он часто писал о европейском опыте, о достижениях в науке и других областях социальной и духовной жизни, предлагал внести некоторые новшества в русскую жизнь, что было характерно для западничества.

Трудно пройти мимо новых западных достижений, особенно когда явно видны их преимущества. В этой связи Колошин искренне хотел, чтобы Москва стала европейским городом, но бездумное и неразборчивое подражание всему западному, по его мнению, наносило больший вред, вело к большому застою и хаосу в русской культуре, что было даже вреднее, чем приверженность только самобытности русского духа. Нужно очень ограниченно принимать европейское, «переваривать» его, приспосабливать к российской действительности, считал он. А если что-то вообще не подходит для России, то это надо без сожаления отбрасывать.

Русская культура, как ни одна другая сфера, в подражании западной культуре стремительно теряла свою самобытность. Колошин удивлялся: зачем у нас ставят так много бездарных французских пьес? Их даже не спасает талантливая русская актерская игра. К тому же французский каламбур, как и любой другой иностранный, невозможно перевести на русский язык, чтобы было понятно и смешно. Например, французскую пьесу «Фиаминна» (в русском переводе — «Примадонна»), имевшую успех на родине, он назвал «развратом

¹ *Развлечение*. 1861. № 4(29). С. 46.

² Там же. 1860. № 29. С. 353.

³ *Зритель общественной жизни, литературы и спорта*. 1862. № 3. С. 114.

искусства»¹. А пьесы, перекроенные российскими портными-драматургами, определялись как товар французский, убогий: ни одной живой сцены, все плоско, тяжело, не похоже ни на Россию, ни на Францию, Похоже, драматурги не ходят по улицам и не видят русских людей — для них чем чудней, тем лучше².

По Колошину, итальянский театр и игра актрисы Аделаиды Ристори также предназначены для невзыскательного русского зрителя, преимущественно для дам, которые ходят в театр, чтобы показать свои новые платья и прически, а также для их кавалеров, которые недавно приобрели английские пиджаки с платками, уголкем торчащими из кармана пиджаков. Колошин сокрушался, сколько же она вывезла денег из России, работая для таких «зрителей». Плохо играя, она хорошо зарабатывала на таких же мало понимающих в театральном искусстве зрителях.

Только Шекспир, по мнению Колошина, мог бы положительно влиять на русского зрителя. Но в России, по его оценке, кто бы ни брался за перевод классика английской литературы, получалось всегда плохо. Так же ужасно были поставлены пьесы на сцене. С иронией он замечал, что в России делают все для того, чтобы Шекспир не нравился русскому зрителю.

В целом, как считал Колошин, замена русских пьес иностранными не принесет пользу русскому обществу — скорее навредит. Он был убежден, что на русской сцене должны быть русские пьесы, а их содержание — понятно и близко зрителю. Правда, репертуар отечественных пьес был невелик: «Гроза», «Свои люди — сочтемся», «Старый друг лучше новых двух» А.Н. Островского и «Отец семейства» И.В. Чернышева — вот то небольшое, что можно было посмотреть о русской жизни.

Аналогичная ситуация сложилась в области живописи. Живописцы так же мало обращали внимания на русскую жизнь. «Изумительно, до чего русская живопись пренебрегает русской натурой, народной сценой, национальным типом, — сокрушался Колошин. —

Рисуют все Людовигов и Карлов, вакханок и Италию, всякую фантазию из несуществующего мира, а нужно погрузиться в живую жизнь, нужно выйти из студий и присмотреться к миру живых людей, привлекающих своей простотой и непосредственностью. Ведь намного легче изобразить то, что нам близко и понятно по мирозерцанию: крестьянина, извозчика, которых мы видим каждую минуту, чем далеких и непонятных для нас итальянского разбойника или Меркурия»³. Если же писался портрет русского человека, то, предполагал Колошин, его образ брали опять же из бездарных французских и итальянских водевилей. В портретном искусстве он осуждал систему «пластической действительности» живописца-портретиста С.К. Заряноко. По мнению Колошина, портрет должен выражать смысл и дух конкретного лица, а не цвет глаз, волос, количество морщин и украшений на одежде, — это дело фотографии, а не живописи.

Слепое бездумное подражание Западу вызывало у Колошина одновременно и смех, и обиду за русского человека. Балы и маскарады он постоянно высмеивал. Колошин спрашивал: для чего они нужны? Свежие сплетни, показ новых нарядов, поиск женихов — все это не для образованной просвещенной публики, как и не для русского человека вообще. Что касается моды, то тут подражание всему французскому доходило до абсурда. Например, Колошин рассказал историю французской шляпки куафюр. Да, ее придумали в Париже, но за основу был взят русский головной убор — кичка. К сожалению, русские дамы читали только французские романы, и придумать новые шляпки были просто не в состоянии, за них это сделали французы, а потом нам же их продали. На улицах Колошин часто наблюдал дам в кринолинах. Обращаясь к ним на страницах журнала, он отмечал, что их уже давно не носят в Европе. Он надеялся, что кринолин скоро сам себя уберет, позднее замечал, что кринолин хотя бы уже меньше размером стал. Потом передал разговор двух мужчин, что пора для пользы человечества отучить дам от прихотей: решили они «на

¹ *Развлечение*. 1861. № 5. С. 63.

² Там же.

³ Там же.

шлейфы наступать»¹. Вот с таким юмором и в то же время с настойчивостью Колошин боролся против старомодных платьев, чтобы женщины не выглядели смешными. Ему хотелось, чтобы русский народ был образованным, просвещенным, но при этом не терял бы своей самобытности.

С.П. Колошин был убежден, что писатель и публицист, изучающий народную жизнь, должен находиться среди народа, общаться с ним, быть в толпе, в самой непосредственной гуще событий. Эту близость к народной жизни он подчеркивал постоянно. По его мнению, только таким образом должны изучаться социальные и духовные проблемы общества. Только такой писатель может считаться знатоком русской

жизни и вправе братья за рассуждения и разрешение этих вопросов.

Анализ творческой деятельности С.П. Колошина подтверждает необходимость и правомерность акцентирования предмета современных исторических исследований на человеке, личности в исторически конкретных условиях. При этом меняется не содержание исторического процесса, а интерпретация тех или иных его проявлений, что значительно обогащает его в глазах современников, повышает их интерес к различным сторонам прошлой жизни человечества. Духовно-нравственные и моральные аспекты (гуманистические, религиозные, культурные и др.), историческое сознание рассматриваются как важные части содержания мирового исторического процесса [Васильев 2012: 262].

¹ *Развлечение*. 1860. № 19. С. 231.

Литература

Васильев Ю.А. 2012. *Теория и методы в русской исторической школе: Теория исторического знания, теория исторического процесса, психологическое направление*. М.: КД «ЛИБРОКОМ», 272 с.

Каплин А.Д. 2008. *Мировоззрение славянофилов. История и будущее России*. М.: Изд-во «Институт русской цивилизации», 448 с.

Туманов О.Н. 2010. *Деятельность русских писателей и публицистов по формированию отношения российского общества к Западной Европе (конец XIX – начало XX в.)*. М.: ЦМИК, 236 с.